

УДК 327.51; 327.57

А.А. ГРОМЫКО И ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ: НАСТРОЙКА НА ХЕЛЬСИНКИ

© 2023 г. **СИНДЕЕВ Алексей Александрович***

Доктор исторических наук, профессор РАН

Главный научный сотрудник Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая. д. 11, стр. 3

**E-mail: a_sin74@mail.ru*

Поступила в редакцию 07.05.2023

После доработки 26.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

Аннотация. В статье проанализирована роль министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в формировании, развитии и поддержании политики безопасности, ее принципов и структурных элементов. Актуальность статьи определяется значением стратегии и стратегического мышления в современной внешней политике и дипломатии, их влиянием на межгосударственное сотрудничество, эволюцию и управляемость международных отношений. Исследованные материалы структурированы в шесть подразделов. Научная новизна первого подраздела заключается в рассмотрении логики и особенностей дипломатической игры Запада. Научную новизну второго подраздела составляют пять отличий подходов Л.И. Брежнева и А.А. Громыко, которые могли помочь или воспрепятствовать защите интересов Советского Союза на будущей конференции. Научная новизна третьего подраздела – это временная фиксация понимания советской позиции по конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе западными дипломатами. Научную новизну четвертого и пятого подразделов предопределило доказательство гипотезы о наличии у А.А. Громыко двух планов – на случай созыва или переноса конференции. В четвертом и пятом подразделах представлены основные мероприятия и ожидаемые результаты «плана А» и «плана Б». Шестой подраздел посвящен выводам, которые можно разделить на исторические (вывод 3) и историко-политологические (выводы 1-2, 4-5). Полученные результаты позволяют проверить гипотезы, связанные с (воздействием личностного фактора (длительное нахождение на ответственном посту; постоянное укрепление влияния, авторитета и возможностей) на внешнюю политику и процессы эволюции в системах международных отношений. Применительно к 1971 г. обнаружен разработанный А.А.

Громько советский вариант «теории магнита». Источниковая база статьи – опубликованные документы МИД ФРГ. Аргументационные линии статьи следует включать в контекст ранее опубликованных в журнале «Современная Европа» статей автора по этой проблематике.

Ключевые слова: Громько, политика безопасности, внешнеполитический континуитет, политическая стратегия, политическая тактика, дипломатическая стратегия, дипломатическая тактика, конференция по безопасности и сотрудничеству

DOI: 10.31857/S0201708323040113

EDN: bxgyix

В историографии Хельсинский процесс детально проработан и вписан в общеисторический контекст связанных с ним инициатив [Загорский, 2005]. При изучении отдельных сюжетов исследователи, ориентируясь на линейность, стремятся определить, скорректировать и подтвердить историчность и континуитет доминирующих фактов и явлений [Staden, 1990; Biermann, 2012; Peter, Wentker, 2012]. Линейность и ее многочисленные проявления практически исчерпали свой научный потенциал, поскольку исследователь априори вынужден принять крайне ограниченную трактовку причинно-следственных связей и классифицировать не вписывающиеся в них линии как нетипичные и противоречащие течению линейного времени и характерным для него объяснениям [исключения из привычного анализа см.: Hildebrand, 2012; Kunter, 2000; Selvage, Süß, 2019].

История без труда способна параллельно развивать различные субпроцессы, временное начало и протяженность которых практически всегда асинхронны. Следовательно, в Хельсинском процессе встретились несколько субпроцессов и феноменов со свойственными им предысторией, логикой, акторами, ожидаемыми поведением и результатами. В подобных «встречах» рождаются исторические альтернативы и утверждается представление о временной многогранности.

Статья посвящена одной из таких «встреч» в 1971 г., когда хронологически совпали и раскрылись очередная дипломатическая игра Запада, система взглядов А.А. Громько¹, преимущества технократизма перед личностным подходом, сформировались контуры советской позиции по Хельсинки и альтернативные траектории достижения целей – все то, что автор обозначил в качестве настройки на Хельсинки и что было включено в еще более широкий процесс – поиск эффективной политики безопасности.

Дипломатическая игра Запада

После заключения Московского договора 1970 г. западные страны продолжили дипломатическую игру. Федеративной Республике Германия пришлось взять на себя особую роль, поскольку из-за нового характера отношений с Москвой она

¹ О системе взглядов А.А. Громько см.: Синдеев А.А. А.А. Громько и политика безопасности: формирование системы отношений. *Современная Европа*. 2022. № 7. С. 175–184. DOI: 10.31857/S0201708322070142.

имела шанс получить от Советского Союза некоторые уступки. Неслучайно правительственные и оппозиционные партии ФРГ¹ в унисон заговорили об удовлетворительном берлинском урегулировании как о предпосылке ратификации договора.

Показателен пример казуистической аргументации в инструкциях МИД ФРГ своему послу в Москве: «[С]ледует задаться вопросом, – значит ли в документе, – на что вообще способно сотрудничество между Востоком и Западом, если нельзя достигнуть даже <...> решения по Берлину»². В этой интерпретации получалось, что ФРГ в августе 1970 г. сделала значительный шаг навстречу СССР, а последний не хочет пойти чуть дальше в берлинском вопросе и улучшить общественно-политический климат на международной арене и в Европе.

Определенную лепту в игру вносили риторические приемы «позитивного настроения». Например, канцлер В. Брандт (СДПГ) говорил о том, что «важно <...> убедить народы: речь идет не о вещах далекого будущего, а о вещах, которые смогут пошагово стать реальностью»³.

Казуистика и перевернутая логика не способны обойтись без скрытой угрозы, переадресации ответственности, понятийных подмен и обещаний. «Если берлинский тест перспектив на разрядку в Европе завершится положительно, – должен был сказать в МИД СССР западногерманский посол, – советское правительство может быть уверенным, что федеральное правительство не будет чинить препятствий продолжению пути разрядки»⁴. Предпосылки стали тестом. Обещание не чинить препятствий прозвучало оптимистично, но неопределенно, поскольку роли западных стран менялись в зависимости от ситуации и прогнозируемого результата.

В одной ситуации Федеративная Республика не собиралась озвучивать общую западную позицию по Хельсинскому процессу. «Подробный ответ на [советскую] памятную записку»⁵, – было написано в представленных выше инструкциях МИД ФРГ, – в которой содержится целый ряд вопросов, затрагивающих западный альянс как целое, не могут ожидать от нас»⁶. В другой ситуации, когда нужно было усилить переговорную позицию за счет союзников, допускался отход от роли зависимого государства. 17 сентября 1971 г. В. Брандт заявил Л.И. Брежневу, что «в конкретном обсуждении темы *MBFR*⁷ поучаствуют в первую очередь члены блоков»¹.

¹ Schwarz H.-P. (ed.) Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1971. München. R. Oldenbourg Verlag. 2002. P. 90–93.

² Там же. P. 1143.

³ Там же. P. 1395.

⁴ Там же. P. 1143.

⁵ Из памятной записки, переданной послом СССР в ФРГ В.М. Фалиным в конце мая 1971 г. статс-секретарю МИД ФРГ П. Франку: «По мнению Советского правительства сам факт созыва общеевропейской конференции был бы большим прогрессом касательно нормализации отношений между всеми европейскими странами и разрядки в Европе. Встреча за столом конференции символизировала бы общность стремлений участников конференции по достижению этих целей». Там же. P. 861.

⁶ Там же. P. 1140.

⁷ Имеется в виду *Mutual and Balanced Force Reduction* – Взаимное и сбалансированное сокращение вооруженных сил. Переговоры начались 30 октября 1973 г.

Казуистика в дипломатической игре часто сочеталась с расширением аргументации. Любопытен сюжет априорного настроения ФРГ на мир: «Излишне подчеркивать, – констатировал статс-секретарь П. Франк, – что интерес высоко индустриальных стран к миру сильнее, чем других стран»². К расширению аргументации следует отнести и разного рода взаимосвязи, при которых, например, обсуждение «сокращени[я] войск немислим[о] вне рамок конференции по безопасности (КБЕ), и уж ни в коем случае сама КБЕ немислима без <...> темы сбалансированного сокращения войск»³.

В пределах устоявшейся схемы дипломатическая игра технократична и предсказуема. Она ведется в отношении потенциальных соперников и противников [Vöcker, 2010]. Ее участники планируют получить значимый результат в отдаленной перспективе.

Пять отличий подходов Л.И. Брежнева и А.А. Громыко

Поиск споров и разногласий в верхних эшелонах советского партийного и государственного руководства является трудным занятием. Однако применительно к предмету статьи расхождения в подходах Л.И. Брежнева, не до конца понимавшего особенности дипломатической игры Запада, и А.А. Громыко, освоившего все тонкости игры, были явными.

Во-первых, «европейское развитие», по Л.И. Брежневу, «в значительной степени зависит от отношений между СССР и ФРГ, а также с Францией, “и немножечко с Италией”»⁴. А.А. Громыко всегда выступал за приоритетность контактов с США, без принципиального согласия с которыми мирное «европейское развитие» было невозможно⁵. Неслучайно французская политика МИД СССР при А.А. Громыко преследовала среди прочего цель побудить Соединенные Штаты к активизации двусторонних контактов.

Во-вторых, А.А. Громыко не допускал нечетких формулировок, алогичности и непоследовательности. Л.И. Брежнев в беседе тет-а-тет с В. Брандтом неожиданно

¹ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1971. P. 1394.

² Там же. P. 1142.

³ Там же. P. 1141.

⁴ Там же. P. 1383. Из ответа В.М. Фалина «чиновникам западногерманского МИДа», приведенного в статье А.М. Филитова [Филитов, 2023: 140], можно предположить, что позиции Л.И. Брежнева и В.М. Фалина были близкие друг к другу. По нашему мнению, при сопоставлении и сравнении 1970–1972 и 1989–1990 гг. имеет смысл четче показывать отличия, поскольку подход А.А. Громыко в итоге доказал свою верность.

⁵ Еще 24 сентября 1971 г. А.А. Громыко считал возможным, «чтобы только Соединенные Штаты и Советский Союз говорили бы [о сокращении национальных и иностранных войск] вне рамок блока», о чем он и заявил госсекретарю США У. Роджерсу. Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1971. P. 1454. См. также сказанное А.А. Громыко послу США в ФРГ К. Рашу: «Если США и СССР согласованно устремятся к общей цели, то урегулирование перестанет быть проблематичным». Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства: политические воспоминания. Москва. Центрполиграф. 2016. С. 237.

заговорил «об опасностях атомной войны и добавил, что <...> не хочет, "конечно, грозить"»¹. Несколько сбивый с толку В. Брандт выразил сочувствие: «Я сказал, что понимаю его заботы, заботы сверхдержавы»². Нечеткость позиции и формулировок подпитывала западную дипломатическую игру.

В-третьих, А.А. Громыко детально владел ситуацией³ и был противником доверительных признаний, ослабляющих в условиях дипломатической игры позицию СССР. Л.И. Брежнев мог действовать спонтанно. В немецкой версии встречи Л.И. Брежнева и В. Брандта указано: «Генеральный секретарь заметил <...>, что немецкая сторона должна иметь доверие к советской стороне. Если доверие отсутствует, то для обеих сторон все станет сложнее <...>. [С]оветская сторона, если она кого-либо одарит доверием, является искренней. Это принцип советской стороны»⁴. Получалось, что при отсутствии доверия советская сторона была готова действовать неискренне⁵.

В-четвертых, А.А. Громыко был противником соглашения и отказа от давления⁶. Даже по процедурным вопросам он старался вымотать визави и, попытавшись ослабить его внимание, провести устраивающую СССР формулировку. Л.И. Брежнев, больше заинтересованный в том, чтобы немцы правильно написали его должность, «был *особенно* (выделено мною. – А.С.) согласен с тем, чтобы в пассаже о конференции по безопасности в Европе зачеркнуть слова “в ближайшем будущем”. Он заметил <...>, что для реализации этой инициативы необходимо время»⁷. С одной стороны, нет смысла пояснять, что время, действительно, было необходимо; с другой – «особое согласие» немцы могли оценить как возможность в спокойном темпе реализовывать собственные цели, раскручивать маховик дипломатической игры.

В-пятых, от А.А. Громыко нельзя было ожидать демонстрации особого интереса. Л.И. Брежнев на пути в Симферополь после многочасовых переговоров с канцлером захотел «спросить [у Брандта] лично, действительно ли будет ратифицирован [Московский] договор <...>, так как в случае неудачи возникнет регресс, который продлится десятилетия»⁸.

¹ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1971. P. 1384.

² Там же.

³ См. подробнее: Синдеев А.А. «Дипломатические университеты» Андрея Андреевича Громыко. «Война между государствами – великое зло»: к 110-летию А.А. Громыко. Под общ. ред. Ал.А. Громыко. Москва. Весь мир. 2019. С. 332–374.

⁴ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1971. P. 1410.

⁵ Понимание доверия в системе А.А. Громыко см.: Синдеев А.А. А.А. Громыко и политика безопасности: формирование системы отношений.

⁶ Об особом курсе Л.И. Брежнева в отношении давления в период работы над Московским договором см. у В.М. Фалина: «Леонид Ильич подводил Громыко к выводу, что нажимные требования выполнили свое назначение». Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства: политические воспоминания. С. 167. См. также [Филитов, 2023: 140].

⁷ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1971. P. 1408.

⁸ Там же. P. 1419. Вопрос и слова Л.И. Брежнева доказывают, что у него был единственный план действий. См. ниже разделы о «плане А» и «плане Б» А.А. Громыко.

В применяемой Западом технократической схеме личностный подход Л.И. Брежнева ослаблял переговорные позиции СССР. А.А. Громыко приходилось нивелировать угрозы. В том числе этой причиной можно объяснить бросающиеся в глаза сдержанность и закрытость министра.

Контуры советской позиции по Хельсинки

В представлении стран Запада результат работы МИД СССР во главе с А.А. Громыко в 1971 г. выглядел следующим образом. Советский Союз выступит за максимально широкий состав участников и ускорение созыва конференции по безопасности, на которой он рассчитывает «обсудить <...> высокие принципы» заявленных тем и создать «генеральный секретариат или комитет»¹. Секретариат или комитет займутся проработкой внесенных предложений и подготовят доклад.

СССР согласится рассмотреть сокращение войск, но будет настаивать на предварительных консультациях и прояснении ряда вопросов, к примеру: «следует ли сокращать только иностранные войска, какого мнения придерживаются государства в отношении сокращения собственных войск, как осуществить [сокращение] сбалансировано, как должны выглядеть практические решения (процентное сокращение <...> или сокращение дивизий)»². Для Советского Союза принципиальным является соединение комплексов сокращения войск и вооружений. СССР вряд ли пойдет на то, чтобы «сокращение войск» ограничилось бы «обоими германскими государствами, так как речь идет о безопасности Европы»³.

СССР выскажется против переговоров между блоками. Его цель – добиться переговоров на межгосударственном уровне. Для обоснования значимости межгосударственных переговоров прозвучат аргументы, что «климат безопасности важен для всех европейских стран» и нужно «узнать мнение каждого государства»⁴.

Советский Союз настроен обсудить широкий круг тем: «отказ от насилия, вопросы сотрудничества, развития торговли, культурного и научного обмена». Все эти темы в советском представлении «соответствуют важнейшим принципам сосуществования» и не зависят «от общественного порядка»⁵.

Гибкая позиция МИД СССР не позволяла странам Запада игнорировать идею конференции и переложить, в случае ее провала, ответственность на Москву. Параллельность выдвижения стратегических целей (мирное сосуществование общественных систем), практических инициатив (сотрудничество в сферах торговли, культуры и науки), а также готовность вынести сложные вопросы сокращения вооружений за пределы формата конференции создавали благоприятные условия для договоренностей. Продолжение диалога, поскольку сложные проблемы не могли быть решены на одной конференции, было запрограммировано.

¹ Там же. Р. 1392.

² Там же.

³ Там же. Р. 1394.

⁴ Там же. Р. 1395.

⁵ Там же.

Диалог с СССР без дополнительных уступок угрожал размыть образ врага и подорвать западное единство, поэтому страны Запада не собирались отказываться от дипломатической игры с особой ролью Федеративной Республики, отношениям с которой Л.И. Брежнев добровольно отвел столь важное значение и признался в этом В. Брандту.

Выверенность действий А.А. Громыко и учет им не только особенностей позиции Запада, но и нюансов подхода Л.И. Брежнева, позволяют предположить, что у министра иностранных дел СССР были «план А», настроенный на то, чтобы добиться созыва конференции, и «план Б», если она не состоится.

Мероприятия «плана А»

А.А. Громыко, как государственный деятель и управленец высшего звена, не мог не принимать в расчет формулу Л.И. Брежнева о «европейском развитии». Министр надеялся до созыва конференции завершить ратификацию Московского договора и получить большую свободу для маневра.

Советско-германский договор 1970 г. А.А. Громыко понимал «как логическое следствие не только двусторонних, прошедших в Москве переговоров, но и как результат усилий, предпринимаемых Советским Союзом на протяжении многих лет в одном и том же направлении». Подобный аргумент делал ничтожным любое упоминание уступок. Представители ФРГ не рискнули бы в присутствии министра заниматься бессмысленным сравнением значимости, сходств, отличий «усилий» и «уступок».

Поскольку после ратификации Московский договор будет обладать полноценной юридической силой, то его, по мнению А.А. Громыко, «можно и нужно использовать для постоянного улучшения отношений»¹. Иными словами, министр пытался переориентировать немцев на позитивную конкретику, краткосрочные реальные результаты и выгоды. Лейтмотив высказываний А.А. Громыко очевиден: нужно не играть, а работать. Новые компромиссы придут в свое время. Пока «есть рамка наших фактов и политических возможностей, которую мы не сможем сломать»². Новое время создаст новую рамку.

Немцы отметили, что министр вообще не реагировал на их игру. Западногерманский посол в Москве Х. Аллардт отчитывался в МИД ФРГ: «Мое изложенное в полном соответствии с инструкцией замечание, что удовлетворительное решение берлинской проблемы стало бы для нас проверкой шансов на сотрудничество Запада и Востока в целом, он также проигнорировал»³.

Расширение аргументационного контекста министр нивелировал с помощью открытости к диалогу, упоминания «полезности бесед» и указания на то, что, с его точки зрения, «федеральное правительство демонстрирует столько интереса в решении всех <...> проблем и особенно проблемы сокращения войск»⁴.

¹ Там же. Р. 91.

² Там же. Р. 92.

³ Там же. Р. 1195.

⁴ Там же.

В отношении французов тактика А.А. Громыко была иной. Он не упустил случая заметить послу Р. Сейду, что «[е]сли обсуждение *MBFR* в настоящее время и имеет приоритет, то это только от того, что здесь контакты продвинулись несколько дальше. Но они (контакты. – А.С.) ни в коем случае не должны привести к тому, чтобы отойти от параллельности [проработки] всех тематических комплексов переговоров между Востоком и Западом и сделать начало одного [комплекса] зависимым от успеха другого». Советский Союз, аргументировал А.А. Громыко, «готов вступить в обмен мнениями <...> со всеми заинтересованными странами»¹.

Следовательно, если Франция считает себя великой державой, то она должна вести себя ответственно и оказать давление на союзников и партнеров, поскольку потенциальный круг вопросов конференции является отнюдь не рядовым. Пока Франция, по мнению советского министра иностранных дел, «ничего не сделала для созыва конференции по европейской безопасности». Запад только использует прежний репертуар. «Еще в 1950-х годах, – отметил А.А. Громыко, – *MBFR* относилась к репертуару Запада; [неясно], почему эта тема всплыла в контексте с конференцией»².

Если Запад настаивает на *MBFR*, то тогда, рассуждал А.А. Громыко, все государства-участники конференции должны получить право представительства в «специальном органе», который займется обсуждением сокращения войск. В случае добровольного отказа от вхождения в «специальный орган» он будет работать вне рамок конференции. Конференцию нужно, полагал А.А. Громыко, созывать сразу, как только страны «придут <...> к убеждению, что [она] может начаться»³.

Таким образом, основные мероприятия «плана А» были сориентированы на то, чтобы повысить ответственность Франции и Германии, двух ведущих стран в «европейском развитии», не допустить затягивание созыва конференции и западную дипломатическую игру. В рамках «плана А» А.А. Громыко критиковал, указывал на историческую роль, перспективы и подчеркивал отсутствие непреодолимых противоречий для работы конференции.

Вспомним слова А.А. Громыко: «Начало конференции делают зависимым от условий. Это неправильно и усложняет дело. Нужно смотреть на вещи следующим образом: решение одной проблемы облегчает решение другого вопроса»⁴.

Мероприятия «плана Б»

Параллельно с «планом А» реализовывался «план Б». СССР получил возможность углубить контакты со многими европейскими странами⁵. Последние могли узнать страну с новой стороны, поскольку «[е]ще никогда в послевоенное время в Европе государства не встречались за одним столом, чтобы обсудить вопросы без-

¹ Там же.

² Там же. Р. 13.

³ Там же. Р. 1194.

⁴ Там же. Р. 1825.

⁵ См. замечание западногерманского посла Х. Алларда от 25 ноября 1971 г.: «Советскому правительству до сих пор удивительно хорошо удавалось поддерживать мысль о конференции по безопасности». Там же.

опасности, культуры, научного и технического сотрудничества»¹, т. е. сразу весь комплекс потенциальных межгосударственных контактов [Громыко Ал., 2019].

Перенос или временный отказ от конференции не повлиял бы на комплексность. Благодаря подготовительному этапу перспективные направления планомерно дорабатывались бы на двусторонних встречах. Сохранилась бы заинтересованность отдельных стран в сотрудничестве с Советским Союзом.

При определенных условиях перенос конференции принес бы СССР даже большую пользу. Цель создания системы безопасности в Европе оставалась бы в дипломатической повестке дня. Результаты контактов с другими странами можно было бы интерпретировать как постепенное продвижение к намеченной цели. Работавшие договоренности обеспечили бы прецедентность. Опыт и новые факты не удалось бы проигнорировать. Фактор времени помог бы А.А. Громыко скорректировать формулу Л.И. Брежнева о «европейском развитии». Для Советского Союза конференция могла пройти в более выгодной внешнеполитической ситуации.

Данная гипотеза позволяет рассматривать обсуждение проблемы сокращения войск вне повестки дня конференции дуалистично – как пример затягивания и как образец формирования субстанции для дальнейших дискуссий. А.А. Громыко привел следующие аргументы: «Нужно исходить из того, что квалифицированным большинством <...> мы не продвинемся, нужно будет достигать единогласия между всеми заинтересованными государствами (выделено мною. – А.С.)»².

Допустима также другая гипотеза. Благодаря «плану Б» Громыко представил советский вариант «теории магнита», нацеленный на нормализацию отношений через постоянные рабочие контакты и конкретные договоренности, на привыкание к нормальности мирного сосуществования, на рост доверия и на эволюционное появление новой системы безопасности в Европе³.

Выводы

Западные страны привыкли вести длительную дипломатическую игру. Она нужна им для получения стратегических и тактических преимуществ. Несмотря на трансформации и периодическую смену политических элит, игра и ее правила не менялись. Современность обнажила тщательно скрываемое и подорвала доверие к коллективному Западу.

Единственно возможный ответ на дипломатическую игру – это технократический ответ, предусматривающий несколько планов действия (см. гипотезы о «плане

¹ Там же. Р. 1824.

² Там же. Р. 1826. Если предположить, что обе трактовки не противоречат друг другу, предостережение советского министра иностранных дел («[д]ля многих государств межблочные переговоры чрезвычайно проблематичны») предстанет в ином ракурсе.

³ В этом контексте см. еще одно замечание западногерманского посла Х. Алларда от 25 ноября 1971 г.: СССР «хочет попытаться осуществить свои представления об общей Европе до тех пор, пока объединение Западной Европы не приняло формы, которые воспрепятствуют этому». Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1971. Р. 1825.

А» и «плане Б» у А.А. Громыко). Отступление от рационально-технократической аргументации в отношении с западными партнерами ослабляет сторонников иных видов взаимодействия. Именно поэтому А.А. Громыко аргументировал рационально, просто и аксиоматично: мирное сосуществование выгодно, потому что оно дает дивиденды в других сферах.

В 1971 г. А.А. Громыко сделал ставку не на содержательное обсуждение тем и проблем, а на подготовку условий последующей работы и нивелирование негативных последствий дипломатической игры Запада.

Настаивая на принципах внеблоковости и единогласия, А.А. Громыко фактически работал на самостоятельность и геополитический суверенитет Европы. Тогда западноевропейские страны не захотели выбрать путь геополитического суверенитета, поскольку их дипломатическая игра и стратегическая цель победы над коммунизмом потеряли бы смысл.

Исторический урок 1971 г. заключается в том, что политика безопасности – это не всегда процессы выдвижения и обсуждения конкретных инициатив. Чаще всего речь идет о длительном создании благоприятных условий¹. Выдвижение инициатив без благоприятных условий обречено на провал. Об этой стороне политики безопасности А.А. Громыко никогда не забывал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Громыко Ал.А. (2019) Дипломатия позитивного действия. *«Война между государствами – великое зло»: к 110-летию А.А. Громыко*. Общ. ред. Ал.А. Громыко. Весь мир, ИЕ РАН, Москва. С. 84–102.

Громыко Ан.А. (2009) *Андрей Громыко: Полет его стрелы. Воспоминания и размышления сына*. Научная книга, Москва. 444 с.

Загорский А.В. (2005) *Хельсинкский процесс: переговоры в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, 1972–1991*. Права человека, Москва. 447 с.

Филитов А.М. (2023) 1970–1972 и 1989–1990 гг. в советско-германских отношениях: сравнительный анализ. *Россия и современный мир*. № 1. С. 137–152. DOI: 10.31249/rsm/2023.01.09

Biermann H. (2012) U.S. Perceptions of the CSCE Process. *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*. Ed. by V. Bilandžić, D. Dahlmann, M. Kosanović. V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, Germany. P. 143–162.

Böcker C. (2010) *Die Europäische Politische Zusammenarbeit – Struktur, Auftreten auf den KSZE-Verhandlungen, Mitwirkung bei der Schlussakte von Helsinki: Die aktive Teilnahme der*

¹ «“[3]олотое правило” дипломатии, которое называл мне отец, – писал Анатолий Андреевич Громыко, – было: осторожное использование возможностей встреч в верхах (выделено Ан.А. Громыко. – А.С.). “Плохо подготовленные встречи на высшем уровне, – говорил он, – не говоря о неподготовленных, лучше не проводить вообще. Они приносят больше вреда, чем пользы. Если это рабочая встреча, то ее слабая отдача не беда. Что касается соглашений, договоров, то в мировой практике к ним идут годами, а то и десятилетиями. Хорошо были подготовлены встречи в Ялте и Потсдаме, соглашения по ограничению стратегических ядерных вооружений, конференция в Хельсинки по безопасности и сотрудничеству в Европе. Плохие результаты принесли встречи Хрущева с Эйзенхауэром и Кеннеди”» [Громыко Ан., 2009: 290].

EPZ-Staaten bei den KSZE-Verhandlungen und deren damit einhergehender Einsatz für die Menschenrechte haben zum Zerfall des Ostblocks beigetragen. GRIN Verlag, München, Germany. 17 p.

Hildebrand K. (2012) *The Cold War as Détente. The Phenomenology of the World Community of Nation States in the 1970s. From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente.* Ed. by V. Bilandžić, D. Dahlmann, M. Kosanović. V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, Germany. P. 25–38.

Kunter K. (2000) *Die Kirchen im KSZE-Prozeß 1968-1978.* Kohlhammer, Stuttgart, Germany. 262 p.

Peter M., Wentker H. (ed.) (2012) *Die KSZE im Ost-West-Konflikt: internationale Politik und gesellschaftliche Transformation 1975–1990.* Oldenbourg, München, Germany. 344 p.

Selvage D., Süß W. (2019) *Staatssicherheit und KSZE-Prozess: MfS zwischen SED und KGB (1972–1989).* Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany. 757 p.

Staden B. (1990) *Der Helsinki-Prozess.* Oldenbourg, München, Germany. 66 p.

A.A. Gromyko and Security Policy: Setting up for Helsinki

A.A. Sindeev*

Doctor of Sciences (History), Professor of RAS

Chief Researcher, Institute of Europe, RAS

11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009

**E-mail: a_sin74@mail.ru*

Abstract. The article continues the study of the role of the Minister of Foreign Affairs of the USSR A.A. Gromyko in the formation, development and maintenance of security policy, its principles and structural elements. The relevance of the article is determined by the importance of strategy and strategic thinking in modern foreign policy and diplomacy, their influence on interstate cooperation, the evolution and manageability of international relations. The chronological framework is limited to the events of 1971. The importance of these events allowed the author to identify and characterise some elements of the complex and controversial process of setting up for a future conference on security and cooperation in Europe, as well as to analyse A.A. Gromyko's strategy of in this setting. The studied materials are presented in six subsections. The scientific novelty of the first subsection lies in the consideration of the logic and features of the diplomatic game of the West. The scientific novelty of the second subsection consists of five differences in the approaches of L.I. Brezhnev and A.A. Gromyko, who could help or hinder the defense of the interests of the Soviet Union at a future conference. The scientific novelty of the third subsection lies in the consideration of the Soviet position on a conference on security and cooperation in Europe by Western diplomats. The scientific novelty of the fourth and fifth subsections was determined by the proof of the hypothesis that A.A. Gromyko had two plans – in case the conference was convened or postponed. In the fourth and fifth subsections, the author presents the main activities and expected results of «Plan A» and «Plan B». The sixth subsection is devoted to conclusions that can be classified into historical conclusions (conclusion 3) and historical and political conclusions (conclusions 1-2, 4-5). The results obtained make it possible to test hypotheses related to the influence of the personal factor (long-term holding of a responsible position; constant strengthening of influence, authority and opportunities) on foreign policy and evolutionary processes in the systems of international relations. In relation to 1971, the author discovered Soviet version of the “magnet theory” developed

by A.A. Gromyko's. The sources of the article are published documents of the Foreign Office of the Federal Republic of Germany, the use of which can be explained methodologically. It was important for the author to conduct the analysis on the basis of the foreign partners' assessment of the statements made by the Soviet Foreign Minister during official negotiations (outer reflection). The author's reasoning should be understood in the context of his earlier article in the journal.

Key words: Gromyko, security policy, foreign policy continuum, political strategy, political tactics, diplomatic strategy, diplomatic tactics, conference on security and cooperation

DOI: 10.31857/S0201708323040113

EDN: bxgyix

REFERENCES

- Biermann H. (2012) U.S. Perceptions of the CSCE Process, in Bilandžić V., Dahlmann D., Kosanović M. (ed.) *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*, V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, Germany, pp. 143–162.
- Böcker C. (2010) *Die Europäische Politische Zusammenarbeit – Struktur, Auftreten auf den KSZE-Verhandlungen, Mitwirkung bei der Schlussakte von Helsinki: Die aktive Teilnahme der EPZ-Staaten bei den KSZE-Verhandlungen und deren damit einhergehender Einsatz für die Menschenrechte haben zum Zerfall des Ostblocks beigetragen*, GRIN Verlag, München, Germany.
- Filitov A.M. (2023) 1970–1972 i 1989–1990 gg. v sovetsko-germanskikh otnosheniyakh: sravnitel'nyi analiz [1970–1972 and 1989–1990 years in the Soviet-German relationships: comparative analysis], *Russia and the modern world*, 1, pp. 137–152. DOI: 10.31249/rsm/2023.01.09. (In Russian).
- Gromyko A.I.A. (2019) Diplomatiya pozitivnogo deistviya [Positive Action Diplomacy], in Gromyko A.I.A. (ed.) *“Voyna mezhdru gosudarstvami – velikoe zlo”: K 110-letiyu A.A. Gromyko [“War between states is a great evil»: On the 110th anniversary of A. A. Gromyko”]*, Ves' mir; IE RAN, Moscow, Russia, pp. 84–102. (In Russian).
- Gromyko An.A. (2009) *Andrei Gromyko: Polet ego strely. Vospominaniya i razmyshleniya syna* [Andrey Gromyko: The flight of his arrow. Memories and reflections of his son], Nauchnaya kniga, Moscow, Russia. (In Russian).
- Hildebrand K. (2012) The Cold War as Détente. The Phenomenology of the World Community of Nation States in the 1970s, in Bilandžić V., Dahlmann D., Kosanović M. (ed.) *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*, V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, Germany, pp. 25–38.
- Kunter K. (2000) *Die Kirchen im KSZE-Prozeß 1968–1978*. Kohlhammer, Stuttgart, Germany.
- Peter M., Wentker H. (ed.) (2012) *Die KSZE im Ost-West-Konflikt: internationale Politik und gesellschaftliche Transformation 1975–1990*, Oldenbourg, München, Germany.
- Selvae D., Süß W. (2019) *Staatssicherheit und KSZE-Prozess: MfS zwischen SED und KGB (1972–1989)*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany.
- Staden B. (1990) *Der Helsinki-Prozess*. Oldenbourg, München, Germany.
- Zagorskii A.V. (2005) *Khel'sinskii protsess: peregovory v ramkakh Soveshchaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope, 1972–1991* [Helsinki process: negotiations within the framework of Security meetings and cooperation in Europe, 1972–1991]. Prava cheloveka, Moscow, Russia (In Russian).